

В. Я. Портяков*

Основные особенности внешней политики КНР в 2019 г.

АННОТАЦИЯ: Внешняя политика КНР последнего времени характеризуется рядом отличительных особенностей. Во-первых, подготовка к юбилею и празднование 70-летия страны позволили уточнить периодизацию истории внешней политики Китайской Народной Республики, привести ее в соответствие с общей периодизацией истории государства. Во-вторых, совпавшие по времени сорокалетие установления дипломатических отношений с США и развертывание так называемой китайско-американской торговой войны предопределили сохранение за Вашингтоном ведущей позиции в кругу внешнеполитических приоритетов Пекина с одновременным усилением жесткости в его практической политике на американском направлении. В-третьих, нарастающая параллельно заинтересованность КНР в углублении и интенсификации связей с Россией дала основания заявить о переходе двусторонних российско-китайских отношений на новый этап.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, внешняя политика, периодизация, США, 40-летие установления дипломатических отношений, торговая война, Россия, новый этап стратегического сотрудничества

В преддверии 70-летнего юбилея Китайской Народной Республики китайские ученые начали апробировать новую укрупненную периодизацию истории страны с 1949 г. по настоящее время. Первый этап охватывает период 1949–1978 гг. В это время Китай решал и решил задачу «подняться» (*чжаньцилай* 站起来). На втором этапе 1979–2012 гг. решалась задача добиться зажиточности, буквально – «обогатиться» (*фуцилай* 富起来). Третий этап 2012–2019 гг. отмечен «усилением» (*цянцилай* 强起来) Китая.

* Портяков Владимир Яковлевич, д. э. н., проф., главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (Москва), portyakov47@yandex.ru

Представляется, что основной целью, ради которой был затеян нынешний «ремонт истории», было стремление выделить период лидерства Си Цзиньпина в качестве самостоятельного этапа в развитии страны – «вступление социализма с китайской спецификой в новую эру». Дополнительные плюсы обновленной периодизации состоят в том, что она, во-первых, как бы «объективно» делает Си Цзиньпина исторической фигурой, равновеликой Мао Цзэду и Дэн Сяопину, с которыми ассоциируются первые два этапа. Во-вторых, укрупненная периодизация позволяет затенить, вывести из фокуса не самые успешные периоды в истории КНР, такие как «большой скачок» (1958–1960) и «культурная революция» (1966–1976).

По-своему естественно, что под обновленную периодизацию общей истории КНР подстраивается и периодизация её внешней политики. Период 1949–1978 гг. в качественном плане характеризуется решительным отстаиванием права Китая на независимость и равенство. Период 1979–2012 гг. определяется как «следование путем мирного развития, создания благоприятной международной среды для внутреннего экономического строительства». Доминантой этого периода выступил внешнеполитический курс «невступления в союзы, неконфронтационности, ненаправленности против третьих стран». Наконец, период 2012–2019 гг. характеризуется как «отстаивание мира, развития, сотрудничества, общего выигрыша, продвижение и созидание сообщества единой судьбы человечества»¹.

В отмечавшемся «широком фронте» семидесятилетия КНР определенное место было отведено и сюжетам, связанным с внешнеполитическим курсом страны. 23 сентября 2019 г. в газете «Жэньминь жибао» был опубликован материал министра иностранных дел КНР Ван И с характеристикой основных достижений народного Китая на международной арене. В обобщенном виде внешняя политика страны была описана как «последовательно выполняющая свой долг по возрождению нации, смело борющаяся за прогресс человечества, решительно продвигающая развитие государства, строящая мир во всем мире, защищающая международный порядок и вносящая вклад в глобальное управле-

¹ Ван Цяожун 王巧荣. Силь Чжунго 70 нянь дули цычжу хэпин вайцзяо шицзянь юй цзиньянь 新中国 70 年独立自主和平外交实践与经验 (Практика и опыт семи десятилетий независимой, самостоятельной, мирной дипломатии нового Китая) // The 70 Years of Contemporary China under the Vision of Modernization. The 4th International High-level Forum on the Contemporary History of China. Paper Collection. Beijing, September 2019. P. 255–264.

ние». В числе конкретных достижений Пекина на дипломатической ниве названы: историческое улучшение внешней среды для Китая, огромное продвижение вперед в защите безопасности и суверенитета страны, в налаживании сотрудничества с границей, в повышении международного статуса государства, а также существенный рост внешнего влияния КНР. Ныне, констатировал Ван И, внешняя политика Китая ориентирована на обеспечение взаимной выгоды и общего выигрыша. Для этого страна следует путем мирного развития, укрепляет сеть партнерских отношений, совместно с другими участниками реализует проекты «Пояса и пути», поддерживает реформу системы глобального управления, ориентированную на укрепление центральной роли ООН и защиту международного порядка, базирующегося на международном праве².

В преддверии юбилея, 28 сентября 2019 г., СМИ страны обнародовали Белую книгу Пресс-канцелярии Госсовета КНР «Китай и мир в новую эпоху», содержащую систематизированное изложение внешнеполитических концепций китайского руководства и его представлений о месте и роли страны в мировом сообществе³.

Официальная внешнеполитическая доктрина Пекина на перспективу выражена в ряде уже хорошо известных формул: строить сообщество единой судьбы человечества; продвигать глобализацию нового типа; защищать международную систему с ООН в качестве ядра; продвигать межцивилизационный обмен и взаимную учебу. Сам Китай предполагает вносить вклад в «строительство еще более прекрасного мира» за счет собственного развития, путем поощрения сотрудничества и общей выгоды, через защиту экономической глобализации, активное развитие партнерских отношений, защиту многосторонности и международной справедливости, активное участие в оздоровлении системы глобального управления.

Белая книга вполне отразила возросшую уверенность Китая в полезности его опыта развития для многих развивающихся стран и в его способности давать международному сообществу общезначимые «общественные продукты» (калька с популярного в политологии англоязычного выражения *public goods*). Как известно,

² Ван И 王毅. Гуанхуэй дэ личэн, шэнькэ дэ циши. Цинчжу синь Чжунго чэнли 70 чжоунянь 光辉的历程, 深刻的启示: 庆祝新中国成立70周年。(Славный путь, глубокое вдохновение: поздравляем с 70-летием нового Китая) // Газета «Жэньминь жибао», 23.09.2019.

³ Ван И 王毅. Синь шидай Чжунго юй шицзе (2019 нянь 9 юэ) 新时代中国与世界 (2019年9月) (Китай и мир в новую эпоху (Сентябрь 2019)) // Газета «Жэньминь жибао», 28.09.2019.

в начале нынешнего столетия китайские политологи (например, Ван Ичжоу 王亦洲) сетовали по поводу отсутствия у Китая общес-
твенного продукта, который был бы признан всем миром и мог
служить ему. В Белой книге от сентября 2019 г. в данном качестве
названы строительство «Пояса и пути», создание платформ много-
стороннего диалога и сотрудничества (например, форумы «Китай–
Африка», «Китай – арабские страны», «Боао» и т. п.), оказание
внешней помощи, наконец, активное участие в решении мировых
и региональных проблем (корейская и иранская ядерные пробле-
мы, урегулирование в Сирии, Афганистане и т. д.).

В сжатом виде успехи и задачи внешней политики Китая обоб-
щил Председатель КНР Си Цзиньпин в речи, посвященной праздно-
ванию 70-летия КНР: «В течение 70 лет китайский народ, придержи-
ваясь независимой, самостоятельной, мирной внешней политики,
следовал путем мирного развития, развивал дружбу и сотрудниче-
ство со всеми странами на базе пяти принципов мирного сосуще-
ствования, вносил важный вклад в славное дело строительства чело-
вечества как сообщества единой судьбы, в дело мира и развития
человечества». «Впредь, – подчеркнул Си Цзиньпин, – Китаю
надлежит, высоко поднимая знамя мира, развития, сотрудничества,
общей выгоды, неуклонно следовать путем мирного развития, про-
двигать созидание сообщества единой судьбы человечества с тем,
чтобы яркий свет мира и развития осветил всю планету»⁴.

Несмотря на огромные усилия политико-пропагандистского
аппарата КНР, официальная характеристика Пекином его внешней
политики далеко не всегда принимается в мире за чистую монету.
Напротив, многие ее аспекты нередко критикуются в США, дру-
гих западных странах, Индии. В последнее время весьма жестким
нападкам подвергается базовая концепция строительства Китаем
сухопутного и морского «шелковых путей» как якобы ведущая на
практике к попаданию ряда развивающихся стран в долговую за-
висимость от КНР. Поводом для подозрений служит и не вполне
последовательная позиция Пекина по вопросу поддержания или
реформирования существующего мирового порядка. Время от
времени КНР заявляет о своей приверженности принципу «ста-

⁴ Цинчжу Чжунхуа жэньминь гунхэго чэнли 70 чжоуньянь чжаодай-
хуй цзай цзин лунчжун цзюйсин : 庆祝中华人民共和国成立 70 周年招
待会在京隆重举行 (В столице состоялся торжественный прием в озна-
менование 70-летия Китайской Народной Республики) // Веб-сайт газе-
ты «Жэньминь жибао». URL: [http://politics.people.com.cn/n1/2019/1001/
c1024-31382261.html](http://politics.people.com.cn/n1/2019/1001/c1024-31382261.html) (дата обращения 1.04.2020).

тус-кво», т.е. сохранению нынешнего положения. Практически одновременно Пекин говорит о своей приверженности мультилатерализму (многосторонности), а в мировой экономике ведет дело к созданию международных финансовых институтов, соперничающих с контролируемым Западом Международным валютным фондом и Всемирным банком. Поэтому на Западе внешнеполитический курс Китая все чаще квалифицируют как «ревизионистский», т.е. подрывающий существующий миропорядок.

В практической внешней политике Китая приоритетные места в 2019 г. заняли российское и американское направления.

Повышению значимости отношений с Россией в определенной степени способствовала памятная дата – 70-летие установления дипломатических отношений между КНР и Советским Союзом (который, как известно, признал КНР сразу вслед за ее основанием – 2 октября 1949 г.). Событие было отмечено обменом поздравительными телеграммами глав государств – В. В. Путина и Си Цзиньпина, публикацией статьи министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова в газете «Жэньминь жибао»⁵ и статей китайского и российского послов (Чжан Ханьхуэй и А. И. Денисова) в журнале «Китай»⁶.

Однако еще большую роль сыграло ухудшение с начала 2018 г. отношений КНР с США, вылившееся не только в своего рода торговую и технологическую войну, но и в ужесточение критики Вашингтоном многих болезненных для Пекина моментов его внутренней политики (положение в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных районах КНР, обострение ситуации в Гонконге). В этих условиях для Китая особую ценность обрела поддержка России – если не единственного, то наиболее влиятельного партнера, на официальном уровне не ставящего под сомнение его позицию по названным проблемам.

С начала 2019 г. Пекин стал демонстрировать намерение вывести китайско-российские отношения на новую ступень⁷. В Совме-

⁵ *Сеэргай Лафулофу* 谢尔盖·拉夫罗夫. Бэньсян вэйлай дэ хобань гуаньшэ (Обращенные в будущее партнерские отношения) // Газета «Жэньминь жибао», 26.09.2019.

⁶ *Чжан Ханьхуэй*. Китай и Россия будут плечом к плечу встречать будущее // Китай, Пекин–Москва, 2019, № 9. С. 22–23; *Денисов А. И.* 70-летие дипотношений придает новый импульс развитию // Китай, 2019, № 9. С. 24–25.

⁷ *Ломанов А. В.* Перспективы развития российско-китайских отношений в изменяющемся внешнеполитическом контексте. – «Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений» – Круглый стол в ИДВ РАН // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 3. С. 5

стном заявлении РФ и КНР от 5 июня 2019 г. было зафиксировано вступление российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в «новую эпоху». Двухсторонние отношения в новую эпоху были охарактеризованы как: стратегическая поддержка в вопросах следования собственному пути развития и защиты ключевых национальных интересов, глубокая интеграция и сближение, инновационный подход к сотрудничеству, содействие формированию полицентричного мироустройства. Одновременно была подтверждена приверженность России и Китая базовым принципам отказа от установления союзнических отношений и конфронтации, а также ненаправленности против третьих стран⁸.

Тем не менее политологи продолжают обсуждать как продолжение нового этапа отношений Китая с Россией, так и вероятность создания союза в связи с очевидным наращиванием масштабов и углублением военно-технического сотрудничества двух государств. Виктор Ларин (Владивосток) рассматривает в качестве ключевого слова «новой эпохи» (*синь шидай* 新时代) координацию – она становится все более тесной и многоплановой не только в деятельности Москвы и Пекина на международной арене, но и в выработке их внутренней стратегии развития⁹.

Александр Королев предложил конкретные критерии для определения уровня военного сотрудничества государств. Продвинутое военно-техническое сотрудничество и регулярные совместные военные учения позволяют прийти к заключению, что Китай и Россия вышли за параметры начальной и средней стадий военного взаимодействия и с 2016 г. начали переход к его продвинутой стадии. «Технически Россия и Китай готовы к более тесному военному союзу, и скептицизм по этому поводу вряд ли оправдан»¹⁰.

Иной точки зрения придерживается Александр Храмчихин. Отмечая, что у Китая в последние годы «возник определенный интерес к военно-политическому союзу с Россией», он, однако, полагает, что в военном сотрудничестве двух стран «очень сильна имитационно-

⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Веб-сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения 01.04.2020).

⁹ Ларин В. Л. Вступая в «новую эпоху». Слово от главного редактора // Россия в АТР. Владивосток, 2019, № 3. С. 6, 10.

¹⁰ Королев А. Н. Насколько близко Россия и Китай? Военно-стратегическое сотрудничество в международных отношениях // Россия в АТР. 2019, № 3. С. 142, 153–154.

пропагандистская составляющая» и что в этой сфере «вряд ли будут выработаны какие-то принципиальные новые формы»¹¹.

Следует отметить и усиление в последние годы внимания китайского экспертного сообщества к России и китайско-российским отношениям. Знаковым событием можно считать публикацию трехтомного труда одного из ведущих китайских специалистов по современной России Фэн Юйцзюня¹² под общим названием «Новый порядок в Евразии». Первый том посвящен вопросам государственного управления и социальных изменений в постсоветской России¹³. Во втором томе анализируются внешняя политика России и российско-китайские отношения¹⁴. В третьем томе рассматриваются геополитические аспекты трансформации Евразии¹⁵. Во всех трех томах представлены сюжеты, связанные с китайско-российскими отношениями. Помимо развернутого (17 глав, более 80 страниц) специального раздела во втором томе о российско-китайском стратегическом партнерстве и сотрудничестве, в первом томе содержатся авторские размышления о путях и методах продвижения исследования в Китае проблем современной России (автор выступает за комплексный подход с самым пристальным вниманием к экономике, а не только к политическим процессам). В третьем томе отдельный раздел посвящен «извилистому прогрес-

¹¹ Храмчихин А. О российско-китайском военно-техническом сотрудничестве // Газета «Независимое военное обозрение», 20.09.2019.

¹² Фэн Юйцзюнь работал в Китайской академии современных международных отношений в Пекине, в т.ч. директором Института России. Ныне – директор Центра России и Центральной Азии Института международных отношений Фуданьского университета, Шанхай.

¹³ Фэн Юйцзюнь 冯玉军. Оу Я синь чжисюй (Ди и цзюань). Элосы чжуаньсин: гоцзя чжили юй шэхуй бяньцянь 欧亚新秩序 (第一卷)。俄罗斯转型: 国家治理与社会变迁 (Новый порядок в Евразии. Том 1. Трансформация России: государственное управление и социальная эволюция). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ 中国社会科学出版社, 2018. 272 с.

¹⁴ Фэн Юйцзюнь 冯玉军. Оу Я синь чжисюй (Ди эр цзюань). Элосы чжуаньсин: дуйвай чжэнцэ юй Чжун Э гуаньси 欧亚新秩序 (第二卷)。俄罗斯转型: 对外正策与中俄关系 (Новый порядок в Евразии). Том 2. Трансформация России: внешняя политика и китайско-российские отношения]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2018. 342 с.

¹⁵ Фэн Юйцзюнь 冯玉军. Оу Я синь чжисюй (Ди сань цзюань). Оу я чжуаньсин: диюань чжэнчжи юй нэньюань аньцзоань 欧亚新秩序 (第三卷)。欧亚转型: 地缘政治与能源安全 (Новый порядок в Евразии. Том 3. Трансформация Евразии: геополитика и энергетическая безопасность]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2018. 360 с.

су в китайско-российском энергетическом сотрудничестве», а специальный параграф – методам стыковки Экономического пояса Шелкового пути с Евразийским экономическим союзом.

Фэн Юйцзюнь отстаивает необходимость неизменно опираться на три основополагающих принципа китайско-российских отношений. Во-первых, видеть их коренной исходный пункт в служении государственным интересам Китая, то есть видеть не только сходство, но и различие интересов КНР и РФ. Во-вторых, твердо придерживаться курса «невступления в союзы, отказа от конфронтации, ненаправленности против третьих стран». В-третьих, развивать практическое сотрудничество двух стран на основе законов рынка и исходя из духа взаимовыгоды и обоюдного выигрыша¹⁶.

Различные аспекты современных китайско-российских отношений рассматриваются в сборнике статей «Исследования России и Евразии в Фуданьском университете»¹⁷. В обстоятельном анализе результатов двустороннего гуманитарного сотрудничества в период 2000–2017 гг. справедливо отмечается, что это сотрудничество способствует взаимному познанию народов двух стран, укреплению социальной базы межгосударственных отношений, углублению политического взаимодоверия и усилению практического сотрудничества в других сферах. Вместе с тем, китайские ученые указывают и на наличие ряда серьезных проблем в данной сфере. Гуманитарное сотрудничество нередко отличается высоким уровнем формализма при недостаточном внимании к качественному содержанию обменов. Ощущается нехватка настоящих китаеведов в России и знатоков России в Китае. Так, в РФ имеется, по оценке авторов исследования, не более 200 китаеведов, из которых постоянно публикуют статьи по проблемам Китая около 50 человек. В то же время, в США сейчас имеется более 15 тысяч китаеведов. С другой стороны, и Россия подчас воспринимается в Китае по неким не соответствующим реалиям шаблонам. Так, китайцы нередко рассматривают постсоветскую Россию как «пример поражения политических и экономических реформ»¹⁸.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что авторы сборника относятся к дальнейшему углублению китайско-рос-

¹⁶ Фэн Юйцзюнь. Новый порядок в Евразии. Том 2. С. 332–333.

¹⁷ Фэн Юйцзюнь, Чжао Хуашэн 冯玉军, 赵华胜 (ред). Фудань Элосы – Оу Я яньцзю (2018–2019) 复旦俄罗斯 – 欧亚研究 (2018–2019) (Исследования России и Евразии в Фуданьском университете). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2019. 320 с.

¹⁸ Там же. С. 95–98, 102–103.

сийского сотрудничества с достаточно серьезными оговорками. В частности, отмечаются заметные слабости в комплексной мощи России, ограничивающие ее международное влияние и способности участия в глобальном управлении. Указывается также на изменившийся характер отношений в треугольнике «Китай–США–Россия». Утверждается, будто в современных условиях простой метод противодействия по формуле «два против одного» не отвечает интересам Китая. Наконец, выдвигается идея, что по мере продвижения КНР «к центру мировой арены» сфера интересов Китая расширяется и «необходимо присмотреться к месту России во внешней политике КНР и связанным с ним возможным широким международным последствиям»¹⁹.

В целом более позитивный характер оценок состояния и перспектив китайско-российского сотрудничества представлен в сборнике «Избранные статьи по россиеведению», куда вошли труды русистов Института исследований России и Евразии Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай), возглавляемого Фэн Шаолэем 冯绍雷²⁰. Сам Фэн Шаолэй весьма высоко оценивает современное взаимодействие Китая и России, видя в нем отражение меняющейся парадигмы общих отношений Востока и Запада и модель современных международных отношений в целом²¹. В то же время в статье Вань Цинсун 万青松 весьма критично оцениваются состояние и перспективы экономического сотрудничества двух стран на Дальнем Востоке России. Он прямо заявляет, что «время для продвижения широкомасштабного сотрудничества Китая с российским Дальним Востоком еще не пришло». Как полагает Вань Цинсун, основная причина этого – монополизация в России в целом вопросов сотрудничества региона с соседними странами и лишение местных органов власти какой-либо самостоятельности в этой сфере. Социальная обстановка на Дальнем Востоке и международная среда также оцениваются как не благоприятствующие его развитию²².

¹⁹ Там же. С. 247.

²⁰ Избранные статьи по россиеведению. Институт исследований России и Евразии при Восточно-Китайском педагогическом университете. Шанхай, 2019, 260 с.

²¹ *Feng Shaolei*. The Contemporary Significance of the Sino-Russian Relations in the 70 Years // Избранные статьи по россиеведению. С. 1–10.

²² *Вань Цинсун*. Смотреть на океан и ждать у моря погоды // Избранные статьи по россиеведению. С. 165–177.

Интенсификация в последние годы российско-китайского взаимодействия была с озабоченностью встречена на Западе, прежде всего в США. Как отмечает известный американский специалист по России Анжела Стэнт, Вашингтон сталкивается ныне с проблемой, как реагировать на всё более прочное партнерство России и Китая и как минимизировать потенциал негативного влияния этого партнерства на глобальные интересы Соединенных Штатов. Эти слова, содержащиеся в предисловии к книге «Ось авторитаризмов. Последствия китайско-российского сотрудничества»²³, отражают центральную идею и суть недавно опубликованной коллективной работы американских китаеведов и политологов. Следует особо выделить прикладной характер этого труда. Хотя его заголовок отсылает читателей к некой идейно-политической общности России и Китая как государств с будто бы авторитарными политическими режимами, на самом деле данный сюжет оказался разработан довольно слабо, а на первый план вышли конкретные рекомендации, как США могут наилучшим образом иметь дело с партнерством РФ и КНР с позиции силы²⁴. В их числе: избегать действий, стимулирующих дальнейшее сотрудничество Москвы и Пекина против интересов США; встречать вызов, порождаемый китайско-российским сотрудничеством, усилением своей международной вовлеченности и поддержкой союзников, разделяющих с США интересы и ценности²⁵.

Одна из ключевых рекомендаций – США должны «играть долгую игру, нацеливаясь на использование уязвимостей в китайско-российских отношениях, прежде всего – асимметрии во взглядах на мир и в международных амбициях Москвы и Пекина»²⁶.

В ряде работ анализируется вызов интересам США, исходящий будто бы от китайско-российского взаимодействия, в конкретных регионах мира. Так, известный американский китаевед Элизабет Вишник утверждает: хотя у России и Китая нет достаточной военной или мягкой силы, чтобы заменить США в Восточной Азии, это не означает, что они готовы принять правила, лежащие в основе возглавляемого США порядка в регионе. И действительно, Китай и Россия предложили целый ряд правил

²³ Axis of Authoritarians. Implications of China – Russia Cooperation. Ed. by Richard Ellings and Robert Sutter. Washington: The National Bureau of Asian Research Seattle, 2018. XVII, 87 p.

²⁴ Ibid. Foreword. P. XII.

²⁵ Ibid. P. 50.

²⁶ Ibid. P. 176.

поведения в Восточной Азии, многие из которых противоречат позициям США. В их числе – противодействие противоракетной системе ТНААД и расширению сети американских союзов в регионе, ограничение роли внерегиональных держав, невмешательство во внутренние дела государств²⁷.

В Европе российско-китайское взаимодействие оценивается в первую очередь как обусловленное общей заинтересованностью двух стран противостоять доминированию Запада. Главная внутренняя слабость этого партнерства заключается в нежелании Москвы играть роль младшего партнера Пекина, а именно это и может случиться, если более мощный экономически и демографически Китай займет место США в качестве доминирующей силы в мире. В «постзападном» мировом порядке, за установление которого энергично борется Россия, она, полагают итальянские политологи, рискует вновь оказаться в зависимом положении – но на этот раз от Китая вместо США. Именно поэтому, по их мнению, в конечном счете российский вызов возглавляемому Соединенными Штатами мировому порядку менее значителен и менее опасен, нежели исходящий от Китая²⁸.

Вплоть до начала 2018 г. Пекин базировался в своей политике в отношении США на предположениях, что, во-первых, Вашингтон будет долгое время сохранять если не благоприятное, то хотя бы нейтральное отношение к возвышению Китая и, во-вторых, что Вашингтон, понимая всю глубину и масштабы экономической взаимозависимости двух государств, в конечном счете согласится с китайской формулировкой о «новом типе взаимоотношений больших держав», которая де-факто уравнивала бы международный статус и влияние КНР и США как двух лидеров современного мира.

В связи с этим китайские политологи-международники всячески стремились доказать возможность преодоления в китайско-американских отношениях «ловушки Фукидида», согласно которой нарастающие противоречия между возвышающейся и «нисходящей» сверхдержавами неизбежно ведут к столкновению – вплоть до войны, как это случилось между Спартой и Афинами в V в. до н. э. При этом отмечалось, что Китай не должен заниматься своего рода умиротворением США по всем спорным во-

²⁷ *Vishnick, Elizabeth*. The Sino-Russian Partnership and the East Asian Order // Журнал *Asian Perspective*, № 42 (2018). P. 355–386.

²⁸ *Ferrari Aldo, Ambrosettu Eleonora Tafaro*. Russia and China: Countering the Dominance of the West // *Russia and China. Anatomy of a Partnership*. Milano: Ledizioni. 2019. P. 34–35.

просам. Допускалось и определенное противодействие по особо значимым для КНР проблемам, но, так сказать, соизмеряемое с «большими интересами» китайско-американских отношений²⁹.

Однако с первых месяцев 2018 г. ситуация резко изменилась. Президент Д. Трамп возложил на Китай ответственность за несбалансированность двусторонней торговли, обвинив Пекин в краже интеллектуальной собственности, государственном субсидировании экспорта, манипулировании валютным курсом и т. д. Соответственно, был взят курс на повышение тарифов на большинство товаров китайского экспорта в США. Началась и кампания по «отлучению» ряда ведущих китайских высокотехнологичных фирм от американского рынка. По заказу Конгресса и Белого дома в США были проведены исследования, призванные подтвердить обоснованность претензий Д. Трампа к Пекину. Так, в докладе специалиста по торговле и финансам в Азии Уэйна Моррисона от 5 февраля 2018 г. вызовом для США была объявлена не только программа «Сделано в Китае–2025», но и инициатива «Пояса и пути», рассматриваемая как инструмент распространения китайской экономической модели на другие страны. Отмечалось наличие в США «кругов», видящих в «несправедливой» торговой политике КНР растущую угрозу для глобальной торговой системы и требующих в связи с этим наказать Китай, например, путем введения торговых санкций³⁰. В июне 2018 г. в докладе Департамента торговли и промышленной политики Белого дома приёмы «экономической агрессии» Китая и «кражи» им интеллектуальной собственности были расписаны уже детально. Под удар попала не только торговля, но и зарубежные инвестиции КНР³¹.

Когда дело дошло до практического повышения в США тарифов на товары китайского экспорта, Китай стал неуклонно отвечать «ударом на удар», одновременно демонстрируя готовность к разумным компромиссам и подчеркивая необходимость решать

²⁹ Чжун Фэйтэн 钟飞腾. Куаюэ Сюсидидэ сяньцзин: синьсин даго гуаньси юй гоцзи чжисуй гоуцзянь 跨越修腊昔底德陷阱: 新型大国关系与国际秩序构建 (Преодолеть ловушку Фукидида: междержавные отношения нового типа и строительство международного порядка). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2017. 278 с.

³⁰ *Wayne Morrison. China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States* // Отчет Congressional Research Service от 5 февраля 2018 г. 49 p.

³¹ *How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World* // Отчет White House Office of Trade and Manufacturing Policy, июнь 2018. 20 p.

все проблемы не односторонним давлением, а путем переговоров. В ответ на обвинения Вашингтона в будто бы многочисленных нарушениях Китаем правил международной торговли Пекин последовательно защищал и разъяснял свою позицию. В частности, в июне 2019 г. была обнародована специальная Белая книга Канцелярии информации Госсовета КНР «О позиции Китая по вопросу о китайско-американских торгово-экономических консультациях»³². В ней были показаны солидные масштабы экономической взаимозависимости двух стран. Так, на конец 2018 г. накопленные инвестиции КНР в США достигли 73,17 млрд долл., а инвестиции США в Китае – 85,19 млрд долл. Реализованный доход предприятий с американскими инвестициями в КНР превысил 700 млрд долл., а прибыль составила около 50 млрд долл.

Под давлением американского бизнеса, несущего потери от «торговой войны» с Китаем, команда Д. Трампа периодически шла на некоторые уступки. Первый раз стороны практически достигли приемлемого компромисса к саммиту G-20 в Буэнос-Айресе к концу 2018 г., но сделка сорвалась, и Д. Трамп вновь прибег к повышению пошлин на товары китайского экспорта. Наконец, 15 января 2020 г. в Вашингтоне было подписано Экономическое и торговое соглашение между правительствами КНР и США, удовлетворяющее значительную часть претензий Вашингтона к Пекину по поводу защиты интеллектуальной собственности, принуждений к передаче технологий и т. п. Китай взял на себя обязательство увеличить в обозримой перспективе объем импорта из США на 200 млрд долл. Ранее повышенные Вашингтоном тарифы на большинство товаров китайского экспорта в США будут снижены³³. Разумеется, всех накопившихся противоречий данное соглашение не снимает, и стороны согласились незамедлительно начать переговоры по второй его фазе.

³² Гуаньюй Чжун Мэй цзинмао цошан дэ чжунфан личан. (2019 нянь 6 юэ) 关于中美经贸磋商的中方立场 (2019年6月) (О позиции китайской стороны по вопросу о китайско-американских торгово-экономических консультациях) // Веб-сайт правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-06/02/content_5396858.htm (дата обращения 01.04.2020).

³³ Economic and Trade Agreement Between the Government of the United States and the Government of the People's Republic of China // Веб-сайт Торгового представительства США. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/Economic_And_Trade_Agreement_Between_The_United_States_And_China_Text.pdf (дата обращения 01.04.2020).

В 2019 г. российское китаеведение и политология в целом уделяли повышенное внимание китайско-американским отношениям. Особый акцент был сделан на 40-летию установления официальных дипломатических отношений между КНР и США, торговой войне между ними, общих вопросах соперничества двух ведущих мировых держав, прежде всего на международной арене и в сфере новейших высоких технологий. Тематические подборки статей по китайско-американским отношениям опубликовали журналы «Проблемы Дальнего Востока»³⁴ и «Вестник Российского университета дружбы народов»³⁵. Данную проблематику регулярно освещали ведущие российские газеты «Коммерсантъ» и «Независимая газета».

Большинство российских экспертов оценивают нынешнее обострение отношений между КНР и США не столько как случайное и краткосрочное, сколько как закономерное и долговременное. В его основе общее стремление Америки притормозить продвижение КНР «к вершине мира», то есть к мировому лидерству. В данном контексте торговая война между двумя державами рассматривается как «начало схватки за изменение и обновление существующего миропорядка»³⁶.

Конфликт назревал постепенно. Его первопричиной стал быстрый рост экономики и совокупной национальной мощи Китая и очевидные попытки Пекина конвертировать эти успехи в укрепление своих позиций на мировой арене. По-видимому, картину реального или воображаемого наступления Китая на ведущие позиции США в мире заметно подкрепила китайская концепция развития интенсивного международного экономического и гуманитарного сотрудничества в формате «Пояса и пути». В Вашингтоне весьма болезненно восприняли расчеты известного китайского ученого Ху Аньгана 胡鞍钢, согласно которым Китай уже в 2013 г. обогнал США по комплексной мощи (подробно расчеты Ху Аньгана описаны в моей статье³⁷).

³⁴ Подборка «К 40-летию установления дипломатических отношений между КНР и США» // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 2. С. 29–72.

³⁵ Тематическое досье: КНР–США: конкуренция или сотрудничество // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2019. Том. 19, № 1. С. 9–58.

³⁶ Давыдов Андрей. Идеология и прагматизм в налаживании и укреплении китайско-американских связей // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 2. С. 41.

³⁷ Портяков В. Я. Большие гонки. Догнал ли Китай Америку по комплексной мощи? // Россия в глобальной политике, 2016, № 3, с. 150–159.

С американской стороны главную роль сыграло стремление президента Д. Трампа «сделать Америку снова великой», для чего требовалось воспрепятствовать дальнейшему усилению позиций в мировой политике и экономике Китая, воспринимавшегося, да и реально ставшего главным конкурентом США на мировой арене. По мнению Анны Волошиной (Институт Дальнего Востока РАН), дополнительным фактором явилось то обстоятельство, что команда президента, участвующая в выработке курса по отношению к Китаю, «сформирована кадрами, позиции которых варьируют от умеренной критики Пекина до призывов к открытому противостоянию с ним»³⁸. Особенно показателен пример советника Д. Трампа по торговле Питера Наварро.

Российские эксперты достаточно подробно излагают перипетии китайско-американской торговой войны³⁹. При этом российские американисты склонны усматривать определенную справедливость или, как минимум, объективные основания части претензий и требований, предъявляемых Вашингтоном Пекину. Так, директор Института США и Канады Российской академии наук Валерий Гарбузов констатирует «действительное использование Китаем дискриминационных практик, приносящих серьезный ущерб американской торговле» (правда, это утверждается со ссылкой на расследование американской стороны)⁴⁰. Яна Лексютина (СПбГУ) видит в действиях США «принуждение Пекина к соблюдению правил и норм, принятых в современной системе мировой торговли», а направленность протекционистских мер против программы «Сделано в Китае – 2025» объясняет тем, что будто бы именно здесь проявляются наиболее серьезные нарушения со стороны КНР: принудительная передача технологий, нарушение прав интеллектуальной собственности, промышленный шпионаж⁴¹.

Многие российские китаеведы считают подобные обвинения в адрес Китая «как минимум преувеличенными», не всегда гра-

³⁸ Волошина А. В. Китай в «тихоокеанском повороте» США // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 2. С. 47.

³⁹ См., например: Виноградов А. О., Салицкий А. И., Семенова Н. К. Американско-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2019. Том. 19, № 1. С. 35–44.

⁴⁰ Гарбузов В. Н. Китайский синдром Дональда Трампа // Независимая газета, 25 июня 2019 г.

⁴¹ Лексютина Я. В. «Торговые войны» или борьба за обновление мироустройства // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 2. С. 63.

мотными с экономической точки зрения, игнорирующими сложившиеся сравнительные преимущества и специализацию хозяйств обеих стран в международном разделении труда⁴².

Владимир Петровский возражает против тезиса о равной ответственности США и Китая за будущее мировой торговли, поскольку КНР последовательно выступает за укрепление центральной роли ВТО, её норм и принципов, тогда как линия США на экстерриториальное применение своих национальных законов вызывает, по словам министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, «неприятие у подавляющего большинства нормальных стран и людей»⁴³.

Большинство российских экспертов опасается, что китайско-американская торговая война грозит спадом в мировой экономике и торговле. Это, в свою очередь, негативно скажется на России, в том числе на курсе рубля к основным валютам, на мировых ценах на нефть и спросе на неё, а в конечном счете и на динамике экономического роста. В то же время, появляются какие-то дополнительные и новые ниши для увеличения российского экспорта, прежде всего в Китай. Так, по мнению Сергея Труша, Россия «может отчасти восполнить потребности КНР в определенных видах сельскохозяйственной продукции, ...открывается дополнительная ниша для российской энергетики»⁴⁴.

Значительное внимание Пекин в последнее время уделяет отношениям с Индией. Прежде всего это связано с очевидной активизацией деятельности формата «Индо–Тихоокеанского региона» с участием США, Японии, Австралии и Индии, который китайское руководство рассматривает как если и не стопроцентно антикитайский, то не вполне дружественный. Играет свою роль и стремление приглушить обострение индийско-пакистанских отношений, как минимум косвенно негативно влияющее на строительство китайско-пакистанского экономического коридора, частично проходящего по территории, которую в Дели считают своей. Поэтому, несмотря на неприятное для КНР негативное отношение Индии – единственной из крупных развивающихся стран – к инициативе

⁴² *Виноградов А.О. и др.* Указ. соч. С. 37.

⁴³ *Петровский В. Е.* Американско-китайские торговые войны: экономика или геополитика? // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 2. С. 56. Вызывание С.В. Лаврова приводится со ссылкой на его пресс-конференцию по итогам 25-го заседания Совещания министров иностранных дел по безопасности и сотрудничеству в Европе 7 декабря 2018 г.

⁴⁴ *Труш С. М.* Трамп и Китай: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 2. С. 71.

«Пояса и пути», Китай стабильно демонстрирует настрой на улучшение отношений с Дели. Сигналом к более тесным отношениям с Индией стало письмо председателя КНР Си Цзиньпина премьер-министру Индии Нарендре Моди сразу после его переизбрания 23 мая 2019 г. Си выразил готовность работать с Моди для продвижения вперед «тесного партнерства по развитию» между двумя странами (формула действует с 2014 г.)⁴⁵.

Вслед за неформальной встречей в Ухане в апреле 2018 г. Си Цзиньпин и Нарендра Моди провели второй неформальный саммит в Ченнае 11 октября 2019 г.

Его центральным событием стало «предложение из шести пунктов» о развитии двусторонних связей между Китаем и Индией, выдвинутое Си Цзиньпином. Речь идет о «правильном отношении к развитию другой стороны, укреплении стратегического взаимодоверия»; усилении взаимопонимания; повышении уровня военной безопасности, обменах и сотрудничестве; углублении практического сотрудничества, укреплении «корней дружбы» за счет наращивания гуманитарных обменов, усилении сотрудничества по международным и региональным делам⁴⁶. Тем не менее ряд индийских экспертов по-прежнему критически смотрит на перспективы китайско-индийских отношений. Так, известный китаевед Срикант Кондапалли, комментируя провозглашение 2020-го года «Годом индийско-китайских культурных и межличностных обменов», констатирует: «Это неплохо, но на самом деле – не самый важный предмет для переговоров между двумя соперничающими возвышающимися державами, имеющими дисбаланс в торговле и нерешенную проблему границ»⁴⁷. В целом профессор Кондапалли сохраняет опасение, что двусторонние индийско-

⁴⁵ *Suryanarayana P. S.* Modi's Two-Front Diplomacy: An Opportunity Ahead? S. Rajarayan School of International Studies, № 117, 13 June 2019.

⁴⁶ Си Цзиньпин «людянь цзяньи» вэй Чжун Инь гуаньси фачжань бадо динсян 习近平“六点建议”为中印关系发展把舵定向 (Предложение Си Цзиньпина из шести пунктов определяет направление развития китайско-индийских отношений) // Новостной веб-сайт КПК. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2019/1013/c40531-31397356.html> (дата обращения 13.10.2019).

⁴⁷ *Srikanth Kondapalli.* Modi and Xi talked much, but said nothing // Газета Deccan Herald от 13.10.2019. URL: <https://www.deccanherald.com/opinion/modi-and-xi-talked-much-but-said-nothing-767999.html> (дата обращения 18.10.2019).

китайские отношения могут «соскользнуть к нисходящей спирали, если не к явному конфликту»⁴⁸.

Одним из центральных событий года во внешнеполитической практике КНР стало проведение в апреле Второго форума высокого уровня по строительству сухопутного и морского шелковых путей. К данному мероприятию было приурочено обнародование документа Канцелярии руководящей группы по продвижению строительства «Пояса и пути» «Инициатива совместного строительства “Пояса и пути”: продвижение, вклад и перспективы»⁴⁹.

В документе подчеркивалось, что на базе выдвинутой Китаем более пяти лет назад инициативы сформировалось общее понимание необходимости широкого международного сотрудничества для совместного строительства «Пояса и пути». Ценность инициативы признана в документах саммитов различных международных организаций, в т.ч. ШОС, «двадцатки», форумов «Китай–Африка», «Китай–Латинская Америка», «Китай – Арабские государства», в резолюции 2344 Совета Безопасности ООН (март 2017 г.). На конец марта 2019 г. Китай подписал со 125 странами и 29 международными организациями 173 документа о сотрудничестве в строительстве «Пояса и пути». Отмечен существенный прогресс в строительстве шести экономических коридоров, выделенных в рамках инициативы (в том числе Китай–Монголия–Россия), в железнодорожных перевозках между КНР и Европой, в наращивании взаимной торговли, инвестиционного и финансового взаимодействия. Сотрудничество с Китаем в формате «Пояса и пути» оказывается весьма эффективным для его участников; так, по оценке экспертов Всемирного банка, его результатом станет увеличение среднего прироста ВВП развивающихся стран Восточной Азии и Тихого океана на 2,6–3,9%⁵⁰. В исключительно радужных тонах обрисованы и дальнейшие перспективы реализации инициативы «Пояса и пути». Это будет,

⁴⁸ *Srikanth Kondapalli*. President Xi Jinping’s India visit extremely critical, why there is danger of relations sliding into a downward spiral // Газета Financial Express от 08.10.2019. URL: <https://www.financialexpress.com/defence/president-xi-jinping-india-visit-extremely-critical-why-there-is-danger-of-relations-sliding-into-a-downward-spiral/1729956> (дата обращения 18.10.2019).

⁴⁹ Гуңцзянь «и дай и лу» чань: цзиньчжан, гуңсянь юй чжаньван 共 建 一 带 一 路 倡 议 : 进 展 、 贡 献 与 展 望 . (Инициатива совместного строительства «Пояса и пути»: продвижение, вклад и перспективы) // Газета «Жэньминь жибао» от 23.04.2019.

⁵⁰ *Francois de Soyres*. The Growth and Welfare Effects on the Belt and Road Initiative on East Asia Pacific Countries // World Bank Group Macroeconomic, Trade & Investment Practice Note, October 2018, № 4.

утверждают в Пекине, путь мира и безопасности, путь процветания, открытости и инновационного развития.

Следует, однако, заметить, что в мире растет обеспокоенность тем обстоятельством, что получение рядом стран кредитов под реализацию проектов «Пояса и пути» ведет к опасному росту их задолженности перед Китаем. Пекину предстоит приложить немало усилий, чтобы рассеять такие опасения – даже если они в конечном счете окажутся мнимыми.

В своем выступлении на заседании круглого стола форума «Пояс и путь» президент РФ В. В. Путин отметил, что Россия рассматривает возможность состыковать развитие Северного морского пути с китайским «Морским шелковым путем» и тем самым «создать глобальный и конкурентный маршрут, связывающий Северо-Восточную, Восточную и Юго-Восточную Азии с Европой»⁵¹. В то же время при явной общей активизации российско-китайских торгово-экономических отношений продвижение ряда конкретных проектов, включенных в состав инициативы «Пояса и пути», пока идет медленнее ожиданий. Так, в 2018 г. объем грузоперевозок по международному транспортному коридору «Приморье–1» составил 74700 тонн – на 23,7% меньше, чем в 2017 г. Грузоперевозки по транспортному коридору «Приморье–2» выросли на 46,2%, но составили всего 16500 тонн⁵² – и это при том, что в вышеупомянутом выступлении В. В. Путина говорилось о планах довести с 2025 г. годовые грузоперевозки по БАМу и Транссибу до 210 миллионов тонн. Так что, судя по всему, фаза самого активного включения России в проекты «Пояса и пути» еще впереди.

Что касается стремления США сдержать дальнейшее технологическое развитие КНР, то вопрос, полагают эксперты, остается открытым. У КНР есть ряд сильных сторон (политическая независимость от США, большая емкость внутреннего рынка, значительные научные заделы), которые позволяют ей «так просто не сдаться: технологическая война будет долгой и серьезно изменит структуру мировой экономики»⁵³.

⁵¹ В. В. Путин. Выступление на первом заседании круглого стола форума «Один пояс, один путь» 27 апреля 2019 года // Веб-сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60393> (дата обращения 28.04.2019).

⁵² Янь Вэньбинь. Китай и Россия – главные стратегические партнеры. Интервью // Мы и Китай, 2019, № 9. С. 12.

⁵³ Коростиков Михаил. Сверхдержавы меряются чинами // Газета «Коммерсантъ» от 17.08.2019.

*Vladimir Ya. Portyakov**

**Foreign Policy of the People's Republic of China in 2019:
Basic Features**

ABSTRACT: China's foreign policy in the recent years has been characterized by a number of distinctive features. First, the preparation for and the celebration of the 70th anniversary of the country made it possible to clarify the periodization of foreign policy of the People's Republic of China and bring it in line with the general periodization of the political history. Second, the coinciding fortieth anniversary of the establishment of diplomatic relations with the United States and the outbreak of the so-called Sino-American trade war determined Washington's leading position as the priority of Beijing's foreign policy, while at the same time increasing rigidity in PRC's practical policy at the American direction. Third, the growing interest of the PRC in deepening and intensifying ties with Russia justified the declaration of a new stage in Russian-Chinese relations.

KEYWORDS: China, Foreign Policy, Periodization, USA, 40th Anniversary of Establishment of Diplomatic Relations, Trade War, Russia, New Stage of Strategic Cooperation

* Portyakov Vladimir Yakovlevich, Dr. Hab. (Economics), Professor, Chief Research Associate, Institute of Far Eastern Studies RAS (Moscow), portyakov47@yandex.ru